

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150017807-0

Достоевский: “отзывчивость к крайностям”

© 2021 г. Жорж Нива

Доктор наук, академик Европейской академии,
почетный профессор Университета Женевы,
5 rue De-Candolle, 1211 Genève 4 (Швейцария)
gnivat@icloud.com

Резюме. Автор анализирует возможность перевода на французский язык понятия “всемирной отзывчивости”, введенного Ф.М. Достоевским в Пушкинской речи 1880 г. и вынесенного в заглавие юбилейного круглого стола в Штаб-квартире ЮНЕСКО, посредством концептуального сочетания “l’empathie universelle” (букв. — “универсальная эмпатия”). Категории “эмпатия” / “отзывчивость” рассматривается в работе как одна из центральных констант творчества русского писателя. Особое внимание уделяется ее значению для бытования наследия Достоевского в культурно-исторических контекстах XX–XXI вв., включающих опыт тоталитаризма, сокрушения человека, массового террора и т.п.

Ключевые слова: Достоевский, “всемирная отзывчивость”, эмпатия, “Пушкинская речь”, геноцид, Д.С. Мережковский, Джон Купер Поуис.

Для цитирования: Нива Ж. Достоевский: “отзывчивость к крайностям” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 6. С. 6–10. DOI: 10.31857/S241377150017807-0

Dostoevsky: “An Empathy Towards the Extremes”

© 2021 Georges Nivat

Docteur d’Etat, Full Member of The Academia Europaea,
Honorary Professor Emeritus of The University of Geneva,
5 rue De-Candolle, 1211 Genève 4 (Switzerland)
gnivat@icloud.com

Abstract. The speaker considers the translatability, from Russian into French, of the expression “vsemirnaya otzyvchivost” (cf. “a ready universal sympathy”) coined by Dostoevsky in his famous Pushkin speech of 1880, which gave the name to the present Jubilee Round-Table Conference at UNESCO headquarters. The conceptual phrase “l’empathie universelle” (cf. “universal empathy”) is offered as a variant. The categories of empathy / ready sympathy (“otzyvchivost”) are viewed as central for the Russian writer. Special attention is paid to the ways it informed the readings of Dostoevsky’s writings in various cultural-and-historical contexts of the 20th and 21st centuries, which include totalitarian experience, inhumanity, mass terror, etc.

Key words: Dostoevsky, “vsemirnaya otzyvchivost”, “l’empathie universelle”, the Pushkin speech of 1880, genocide, D.S. Merezhkovsky, John Cowper Powys.

For citation: Nivat, G. *Dostoevskij: “otzyvchivost k krajnostyam”* [Dostoevsky: “An Empathy Towards the Extremes”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 6, pp. 6–10. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150017807-0

Начну с комментария к названию нашей встречи: "L'Empathie universelle: Dostoïevski sans frontières" («Всемирная отзывчивость»: Достоевский без границ)¹. "L'Empathie universelle" [букв. — "универсальная *эмпатия*". *Прим. ред.*] — вполне возможный перевод выражения "всемирная отзывчивость", употребляемого автором "Дневника писателя". Но это лишь один из возможных переводов на французский знаменитого выражения Достоевского из Пушкинской речи, произнесенной 8 июня 1880 г., — речи, которая заставила плакать тысячи слушателей, речи, вписанной в историю тесного союза между литературой и исторической судьбой России, столь характерного для XIX столетия. Ведь сущностной особенностью российской истории без всякого преувеличения можно считать ее *литературоцентризм*. В отсутствие иных форм публичных высказываний политическая жизнь России некогда выражалась в литературе и посредством литературы. И речь от 8 июня 1880-го — это одна из вершин этого "литературоцентрично-го" века.

Это выражение нельзя перевести буквально. Речь идёт о способности *реагировать на* или *отвечать на* всё, что приходит извне, — и реагировать на это *положительно*, и даже быть большим испанцем, чем сами испанцы, большим французом, чем сами французы, большим немцем, чем сами немцы. "Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению" [1, с. 131]. Эти слова из "Дневника писателя" Гюстав Окутюрье перевел так: "Notre peuple porte en effet dans son âme ce penchant à l'universelle résonance et à l'universelle conciliation" [2, p. 1348].

Слово, избранное для французского перевода названия нашей сегодняшней встречи, — не "résonance" ("резонанс", "отклик"), а "empathie" ("эмпатия"). И это очень интересное слово. Ведь "всемирная отзывчивость" (или "*универсальная эмпатия*") для Достоевского, очевидно, есть основная *склонность*, основная *предрасположенность* русского народа. Иными словами, это гораздо больше обычного знания или понимания иностранца — настоящая *устремленность* в его сторону.

Тем знаменательным днем Достоевский провозглашает, что подобная устремленность характеризует как народ, так и элиту, которую

представляет Пушкин, признанный "национальным поэтом". Утверждение о том, что эта предрасположенность — главная характерная черта русского народа, казалось дерзким и спорным уже и в 1880-м. А сегодня, вероятно, — тем более. Клеветники России часто говорили о ее склонности к раболопному подражанию другим или даже просто к подделкам. Это целая традиция, которая восходит к "Первому философическому письму" П.Я. Чаадаева. "Пушкинская речь" — самое яркое отрицание такого подхода. И чью сторону в этих бесконечных старых спорах ни принимай, мы все знаем, в какой мере русской культуре со времён Пушкина удалось освоить знания, творческие миры, науки, пришедшие извне, вобрать их в себя — и порой, подобно хищнику-великану, их поглотить.

Будем иметь в виду, что сегодня нас объединяют два слова: *Достоевский* и *отзывчивость* ("эмпатия"). В "отзывчивости" ("эмпатии") опознается греческое слово *pathos*, обозначающее "болезненное состояние"; по-латыни — *passio* от *patior*, т.е. "претерпевать", "страдать". *Патология* — изучение того, что я претерпеваю, а также испытываю, выношу. По философскому словарю Фулькье и Сен-Жана, "эмпатия" означает познание других посредством аффективного единения (*communion affective*) [3]. Здесь — отличие от "симпатии", так как "эмпатия" подразумевает более бескорыстное притяжение, чувство. Давайте сравним это с "даром", изученным отцом социологии и религиозной этнологии Марселем Моссом. В частности — в его знаменитом "Опыте о даре", который продемонстрировал нам, что в архаичных обществах — а наше в этой части таковым и осталось — нет *дара* без *отдаривания в ответ*. Эмпатия — это не "отдаривание в ответ", а вот симпатия может им оказаться.

Но сам "дар" не всегда соответствует тому, о чём говорит Мосс. Он может быть абсолютно анонимным и, следовательно, совершенно не опознаваемым. Такой дар — милостыня, проповеданная Христом. Это, например, жертва евангельской вдовицы, замеченной Иисусом, когда она пряталась в глубине храма, — маленькой пожилой женщины, которая внесла в сокровищницу свою ничтожную — но для неё огромную — лепту.

Милостыня осуждалась коммунистами. В свой "либеральный период" Степан Верховенский из романа "Бесы", продолжая жить на деньги генеральши Ставрогиной, также утверждал, что милостыня унижает одариваемого, извращает дарителя и парализует общественный прогресс. При большевиках, как и в некоторых буржуазных

¹ Франкоязычный вариант названия международного круглого стола, посвященного 200-летию Ф.М. Достоевского, который прошел в Штаб-квартире ЮНЕСКО (Париж, Франция) 4 октября 2021 г.

западных городах, попрошайничество было — и остается — запрещенным.

В “Преступлении и наказании” Раскольников принимает милостыню, которую ему протягивает купчиха на Николаевском мосту, а затем выбрасывает монету в Неву — жест отказа от любой человеческой общности. “Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту” [4, с. 90]. Именно такой жест воспроизводят в конечном счете многие наши современники, которых за неимением другого слова именуют подверженными “радикализации”. Название сродни слову “радикалы”, под которым в России подразумевались нигилисты. Жест Раскольникова и даже сама фамилия, которую он носит, отсылающая к *раскольнику*, знаменуют собой разрыв с другими человеческими существами. И это тот же самый разрыв, какой бушует в нашем мире в начале XXI в. и какой привел прямиком к произошедшему 11 сентября 2001 г. в Америке. К зрелищу, которое ошеломило и заворовало планету, подобно тому как — в малом масштабе — пожар на Шпигулинской фабрике заворачивает и ошеломяет весь город в “Бесах”, в главе “Окончание праздника”.

В Тобольске по дороге на каторгу Достоевский получил спрятанную в переплёт евангелия милостыню — десятирублёвую купюру. Затем последовало множество иных подаваний, первое из которых оказалось в четверть копейки и было получено писателем от маленькой девочки. Эту милостыню он будет хранить как талисман. Почти непрерывная череда подаваний от совсем простого народа, с религиозным благоговением разделяемых между каторжниками, служит знаком человечности, связывающей людей друг с другом. Этот жест глубокой человечности будет сопровождать молодого заключенного в течение всего того адского периода жизни, который тогда для него только начинался. И в каком-то смысле служить противовесом колоссальному бремени зла, какое каторга порождает, питает, возвращает у всех, кто там находится, — и у заключенных, и у надзирателей. Противовесом издевательствам над мелкими преступниками, “ненавидящими дворян”, равно как и изощренной жестокости палача с “оплывшей жиром душой”. “Свойства палача в зародыше находятся почти в каждом современном человеке”, — говорит рассказчик Горянчиков в “Записках из Мёртвого дома” [5, с. 155].

Старушка, анонимно раздающая милостыню в четверть копейки, и палач, совершенствующий пытки “зеленым коридором” для приговоренного, —

вот два полюса этих каторжных историй. Выйдя с каторги, Федор Михайлович напишет своему брату: “Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. (...) всякий час, всякая минута тяготела как камень у меня на душе” [6, с. 181]. И этот камень, это надгробие одновременно олицетворяет и отказ, и невозможность какой-либо эмпатии (“отзывчивости”) к живым. Мы чрезвычайно далеки от позднейших попыток Достоевского преодолеть, поднять этот камень, попыток старца Зосима или Алеши с его маленькой “детской республикой”. Но в каком-то смысле этот камень всегда тяготил Достоевского, до конца его дней.

Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ” цитирует “Записки из Мёртвого дома”, чтобы подчеркнуть, насколько режим царской каторги был менее безжалостным, чем режим большевистского ГУЛАГа. Были предусмотрены, к примеру, такие немыслимые для советских зеків “паузы”, как праздники Рождества и Пасхи. Однако ясно, что Достоевский, находясь в “Мёртвом доме”, познал и перешагнул барьер *бесчеловечного*, который удивительным образом сближает его с последующими двумя веками — веками Треблинки, Собибора, Секирной горы на советской каторге в Соловецком монастыре, ледяного ада Колымы, похороненных заживо жертв режима Пол-Пота, декад геноцида тутси в прекрасной Руанде и гор человеческих трупов на многих иных наших *фабриках бесчеловечности*. В этом смысле Достоевский помогает нам сегодня гораздо лучше понять именно эту гигантскую фабрику бесчеловечности, чем причины падения старого режима царской России, как зачастую полагали до сих пор.

Речь также идёт о “страдании вместе с”, то есть о *сим-патии* в глубоком, этимологическом смысле этого слова — и в ещё большей степени о том, чтобы разделить *непередаваемость* опыта этой фабрики бесчеловечности. “Непередаваемость”, которую выстрадали, о которой пытались говорить Примо Леви, Пауль Целан, Варлам Шаламов и которую пронзительно выразил словенский художник Зоран Музич, выживший в Дахау. Его серия тайных рисунков с сопутствующей подписью — одна из редких попыток в графике представить отчет о “непередаваемом”. На них изображена череда скоплений оледенелых мертвых тел и надпись, которая передает своего рода коллективную мысль покойных: “Мы не последние”. Кажется, что все они покоятся под камнем, о котором говорит Достоевский. Они пребывают под камнем, а мы, читающие зловещую надпись на камне, словно поглощены ими.

Дмитрий Мережковский — первый, кто философски осмыслил, что собой представляет “Великое пятикнижие” Достоевского, — считал, что читатель переживает с этим писателем некий экзистенциальный опыт. Преступный опыт — с Раскольниковым, трепещущим от страха быть пойманным, обезумевшим от радости, что этого так и не произошло, укрывшимся в квартире, где работает маляр, который возьмёт на себя его преступление. Опыт индивидуального и коллективного шантажа — с “Подростком”. Опыт постоянной слежки за собой со стороны убийцы — с “Идиотом”. Мережковский определяет этот опыт как “слияние с”. Это почти сопоставимо с вуду, с силами воздействия его жестокой магии.

И раз зверская жестокость и доброта евангельской вдовицы разделяют человека, разрывают его на части, терзают, словно Диониса, то и стиль писателя тоже оказывается разорванным, истерзанным. И эти разрывы задаются постоянными повествовательными и психологическими скачками, подчеркнутыми словом “вдруг”. И о ком или о чем бы ни шла речь — будь то Раскольников, в адрес которого прохожий бросает обвинение: “Убивец!”, исповедь Ипполита в “Идиоте” или Зосимы в “Братьях Карамазовых”, — персонажи, пораженные этими скачками судьбы, становятся подобны призракам. У многих, если не у всех, бывают моменты, когда, сделавшись призраками самих себя, они *перестают быть реальными*. Позже, в своем романе “Петербург”, который есть что-то вроде суммы всех “террористических” эпизодов из романов Достоевского, Андрей Белый доведет до крайности призрачность человеческого мира.

Но можем ли мы быть отзывчивыми, испытывать эмпатию к призракам? Мережковский справедливо заметил, что все эти призраки суть порождения фанатизма и что подобная фантомизация, происходящая от скрытых или явных всплесков фанатизма и терроризма, приводит их к шизофрении, к расщеплению “я”, как у Ивана во время судебного процесса над его братом в “Карамазовых”. Может быть, сегодняшние совсем юные читатели, вскормленные призраками-убийцами и межзвездными апокалипсисами, лучше нас понимают Ставрогина или Раскольникова, совершенно не зная, кем был Каин?

Крупный валлийский писатель Джон Купер Поуис, автор романов о магических мирах “Девичий замок” (*Maiden Castle*) и “Веймаутские пески” (*Weymouth Sands*), которые любил и снабдил предисловием философ Жан Валь, много писал о Достоевском. Он видел в нем брата по духу, близкого Эмпедоклу, Платону и Ницше. И применительно

к обоим, русскому писателю и себе, валлийцу, он говорил о “братстве шарлатанства”. Ведь обычные читатели воспринимают их миры как нереальные, выдуманные, исключительно жестокие — и считают их кем-то вроде торговцев фальшивой правдой, *fake truth*, как сказали бы мы сегодня. Вот почему Поуис называет себя и Достоевского “шарлатанами”. Шарлатанами с оголенными нервами: “Я из тех, кто приходит и уходит без кожи”.

В 1945-м Поуис был человеком прокоммунистических взглядов, что никак не помешало ему почувствовать вдохновение от Достоевского, создателя нового “Прометея прикованного” 24 века спустя после Эсхила. Достоевского, который пережил и “последний день, приговоренного к смерти”, и опьянение, испытанное в Дрездене от полотна Клода Лоррена “Ацис и Галатея”. Версилов в “Подростке” рассказывает об этом своему родному сыну, описывая ощущение “необычайного счастья” — счастья абсолютной утопии. Но это опьянение оказалось сном, и когда Версилов просыпается, он узнает о сожжении Тюильри в Париже — знамении начала гражданской войны в Европе и “последнего дня европейского человечества”.

Поуис с прекращением войны, в которой Англия пережила тяжелую осаду, испытывает полную “эмпатию” к Достоевскому. Ему дела нет до того, что автор “Дневника писателя” проповедует новое славянофильство! До того, что Николай Бердяев и другие нашли в его произведениях предсказания о катастрофе большевизма, о коммунистических застенках! Да, большевизм смог вылиться в *шигалевищину* много хуже той, что представлял себе этот безумец Шигалев или Кириллов, играющий — в ожидании приказа о самоубийстве — беспрестанно подпрыгивающим резиновым мячиком!

Для Поуиса, и не только для него, прорицатель Достоевский узрел нечто гораздо худшее, чем вторжение разъяренных бандитов и анархистов во дворцы, — он слышал в себе гибельный грохот идеологий самого разного толка, видел извержение провокаций планетарного масштаба, ощущал шантаж схлестнувшихся вавилонских народов и городов, предчувствовал торговлю женщиной и всеобщее подчинение террору. Средневековый спор между реализмом и номинализмом, который в конце концов касается непосредственной действительности слов и идей в истории и жизни, исчерпан: идеи — горячка, слова — убийцы.

Что же до повествования Достоевского с его разрывами, противоречиями и пробелами, то

оно более реалистично, чем у любых Диккенсов, Бальзаков или Толстых. Ибо “кусоч мыла”, оставленный Ставрогиным на чердаке, где он повесился, единственная данная нам деталь, пробивается к сюрреальной реальности, которая гораздо красноречивее всяческого реализма.

Вернемся к определению “отзывчивости” / “эмпатии”. “Отзывчивость” Достоевского, как мне кажется, — это прежде всего эмпатия к крайностям, садомазохистская эмпатия, эмпатия *любви-ненависти*, как у современных террористов с их поясами-взрывчатками. И Достоевский делает нас соучастниками этой эмпатии / “отзывчивости”. Ставрогин в изъятной главе “Бесов” просит епископа Тихона прочесть отрывок из Откровения, где Ангелу Лаодикийской церкви велено написать такие слова: “Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих” (Откр. 3: 14–16). Затем последует записанный им, но не законченный рассказ о его преступлении, гнусности, учиненной над маленькой девочкой.

Кто “извергнут из уст” — мы, Ставрогин, читатель “Бесов”, зритель, смотрящий по телевизору на падение башен-близнецов в Нью-Йорке, массовую бойню в Батаклане, обезумевших беженцев в Кабуле совсем недавно? Не вошла ли в нас — вместе с Достоевским — “эмпатия” / “отзывчивость” к последним крайностям, даже если мы в стороне и защищены судьбой? Конец “Бесов” прост: “Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей” [7, с. 516]. Эта дверца, открытая Достоевским, все чаще и чаще открывается перед нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.

2. Dostoïevski F. Journal d'un écrivain. Traduction de Gustave Aucouturier, NRF. Paris: Gallimard, 1972.
3. Foulquié P., Saint-Jean R. Dictionnaire de la langue philosophique. Paris: Presses universitaires de France (Vendôme, Impr. des P.U.F.), 1962.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 4. Л.: Наука, 1972.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1985.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974.

REFERENCES

1. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 26* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 26]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. (In Russ.)
2. Dostoïevski, F. Journal d'un écrivain. Traduction de Gustave Aucouturier, NRF. Paris: Gallimard, 1972. (In Russ.)
3. Foulquié, P., Saint-Jean, R. Dictionnaire de la langue philosophique. Paris: Presses universitaires de France (Vendôme, Impr. des P.U.F.), 1962. (In French)
4. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 6* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 6]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
5. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 4* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.)
6. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 28* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 28]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. (In Russ.)
7. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. T. 10* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Vol. 10]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 14 октября 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 октября 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 октября 2021 г.

Дата публикации: 31 декабря 2021 г.

Received by Editor on October 14, 2021

Revised on October 27, 2021

Accepted on October 30, 2021

Date of publication: December 31, 2021